

Борис Воробьев

ВЕСЬЕГОНСКАЯ ВОЛЧИЦА

Борис Тимофеевич Воробьев

Весьёгонская волчица

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156761
Весьёгонская волчица: Тверская Жизнь; Москва;*

Аннотация

Месть, ненависть, любовь, предательство, стремление понять друг друга и невозможность договориться – все эти чувства переживут вместе с главными героями и жители небольшой российской деревушки, где происходит действие книги.

Герой повести Егор – потомственный охотник-волчатник. Он жил среди природы, как жили его дед и прадеды: растил дочь, любил лес, охотился, отстреливал волков. Но вдруг его жизнь пересекается с жизнью необыкновенной волчицы. История, которая произошла между Егором и вожаком стаи – умной, опытной, а потому крайне опасной волчицей, и стала сюжетом повести. Человеку и зверю придется пройти через множество испытаний, которые изменят их.

В 2004 году по книге **Бориса Воробьева «Весьёгонская волчица»** была снята одноименная приключенческая драма, получившая большой отклик у зрителей и удостоенная многих кинематографических наград.

Содержание

Часть первая – НЕНАВИСТЬ	4
Глава 1	4
Глава 2	5
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	12
Глава 6	13
Глава 7	15
Глава 8	16
Глава 9	17
Глава 10	18
Глава 11	24
Глава 12	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Борис Воробьев

Весьёгонская волчица

Часть первая – НЕНАВИСТЬ

Глава 1

...Тяжело прошумел в верхах ветер, сорвал с веток снег, осыпав радужной пылью спины лежащих внизу волков. Ель покачнулась, и Егор еще теснее прижался к стволу, запоздало пожалев о том, что не догадался взять из дровней веревку. Сейчас привязался бы и ни о чем не думал. Уж лучше бы замерзнуть, чем волкам в зубы...

Вот ведь как все повернулось! Какой год охотится на этих самых волков, перестрелял и переловил незнамо сколько, а надо же – самого загнали на дерево! Эх, жизнь-жестянка, не знаешь, где и упадешь... Разве думал, когда ехал на делянку, что волчица выследит его и здесь? Другое дело – подстерегла бы у себя на болоте, так нет же, сюда принесло, окаянную!

Часов у Егора не было, но он и без них определил, что сидит уже больше часа. Правда, пока сидеть было можно – сквозь полушубок и ватные брюки ни ветер, ни мороз не проникли, тепло и ногам в валенках, и все же никакая одежда не поможет, если придется ждать долго. Но верить в это не хотелось. По прикидкам выходило, что волки не догнали лошадь – больно уж быстро вернулись, – и сейчас она уже в деревне, и там идет суматоха.

Егор представил себе, как бегают деревенские мужики и бабы, как распоряжается всем председатель, и ему стало радостно на душе от нарисованной картины. И только мысль о жене и дочке приглушала радость. Ладно, дочка, три годка только, ничего еще не понимает, а жена небось ревя ревет, небось думает, что его и в живых уже нет. Он вспомнил, что, уезжая, наказал жене истопить к его возвращению баню, и она, наверное, истопила, а он сидит тут, как цуцик. Одна радость – табак.

Махорка и спички были в кармане, и Егор покурил, а окурки бросил на головы волкам – приятно было хоть чем-нибудь досадить зверям.

Мысли вернулись к старому. Ну надо же, как все сошлось! Приехал, называется, за бревнами! А ведь мог бы додуматься, что дело добром не кончится, ведь все шло к этому. Сначала Дымка сожрала, а потом волчица к дому приходила – мало тебе этого? Нет, заладил, как дурак: ничего ему волки не сделают! Сиди теперь, кукуй, раз такой смелый, да моли бога, чтобы в деревне поскорее хватились... А все волчица. И откуда только взялась такая курва? Вишь чего надумала – за выводок рассчитаться! Сколько раз брал выводки, и ничего, а эта взбеленилась. Полгода прошло, а все не забыла...

Прошло и верно полгода, волчий выводок Егор взял в мае, а вообще-то охотничьи дела его были давние, такие, что не сразу и вспомнишь.

Глава 2

Охотиться Егор начал рано, мальчишкой еще. Да и как по-другому, когда все Бирюковы испокон веку были охотниками? И не какими-нибудь, а волчатниками. Волчатником был и отец Егора, и дед, и прадед, Тимофей Бирюков, известный на всю округу тем, что охотился с ручным волком. Как этот волк попал в дом к прадеду – взял ли его Тимофей Бирюков волчонком или подранил взрослого зверя, а потом приручил, – никто из Егоровой родни не знал. Даже дед ничего не помнил про то время, потому что был совсем мальцом, когда отец пропал в лесу. Без следа пропал и без слуха – ушел и сгинул вместе со своим волком. Пропасть в дремучем лесу – дело нехитрое, там с человеком всякое может случиться, однако молва не связывала гибель Тимофея с дикостью здешних мест. Не такой был человек Тимофей, чтобы взять да и заблудиться или ненароком свернуть шею в каком-нибудь буераке. Нет, не по своей оплошности пропал Тимофей – никто другой, как волк, погубил охотника. Видать, навел на него стаю, и звери загрызли Тимофея.

После такого случая в самый раз остерегаться Бирюковым, держаться подальше от леса, да где там! Завязтого нрава были все, с ружьем не расставались, передавая один другому опасную науку волчьих облав и выслеживаний.

Лет с двенадцати стал охотиться и Егор. Сначала было вроде забавы, а потом пристрастился по-настоящему. Стрелял из дедовой берданки зайцев да боровую дичь. Добывал немного: не хватало ни силенок, ни сноровки, ни огневого припаса, но и то, что приносил, было приварком для стола, где, кроме картошки и молока, других разносолов не водилось. Время стояло трудное, шла война, и на отца уже получили похоронку, а у Егора были еще две малые сестренки. Тут каждый лишний кусок был к месту.

Нехватка пороха и дроби, понятно, беда для охотника, зато это приучило Егора стрелять редко, но метко. И годам к шестнадцати он стал первым стрелком в деревне, а к двадцати решил больше не гоняться за мелочью и взялся за волков. Их в том глухом углу Калининской области, под Весьёгонском, всегда хватало, а после войны развелось видимо-невидимо. Стрелять зверье было некому, мужиков в деревнях повыбило войной, и волки окончательно обнаглели. Собакам и скотине от них не было никакого спасу. Чуть зазеваешься какая дворняга, глядишь, волки уже тащат ее в лес; стоит пастуху отвернуться, как уже нет овцы или телки. Да что скотина – ребятишек боялись отпускать по грибы. Поэтому никто не удерживал и не отговаривал Егора от того, чтобы стать волчатником. Все знали о его меткости и удачливости, к тому же и выгода получалась немалая, поскольку за каждого убитого волка в заготконторе платили по пятьсот рублей. Дело, конечно, опасное, не каждый решится идти на волка, но Егор-то вон какой вымахал. Да и пятьсот рублей на дороге не валяются.

Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Волк – зверь серьезный, тут старая берданка плохая подмога, а еще и картечь нужна, и капканы. А где взять? Спасибо председателю сельсовета, выручил. Вместе с Егором ездил в район, хлопотал о ружье и капканах. Ручался за Егора, говорил, что тот все затраты на него оправдает. Уважили председателя, как-никак фронтовик, две «Славы» имеет, и вручили Егору в счет аванса новенькую «тулку» двенадцатого калибра и три волчьих капкана, густо смазанных солидолом. Ответили пороху и дроби с картечью.

Вроде все устроилось, однако скоро начались нелады. Сходив раз с охотничьей бригадой на облаву, Егор заявил председателю сельсовета, что будет промышлять один, потому как мотаться по лесу без толку он не согласен. Разве это охота, когда все галдят, как вороны, курят и гремят разными железяками?

Председатель, всю войну провоевавший в разведчиках, в душе был согласен с Егором, но положение обязывало его не допускать партизанщины, и он долго увещевал Егора,

просил не идти против коллектива. В бригаде и так мало охотников, а уйдет Егор, вообще некому будет работать. Ну не получилось один раз, получится в другой, а бригадиру он скажет, чтобы подтянул у мужиков дисциплину.

Но Егор настоял на своем, хотя и хлебнул потом лиха. Бригада, какая она ни есть, все бригада, в ней каждый помогает другому и работает для всех, а один – он один и есть. Все делай и соображай сам, никто тебе ничего не подскажет. Пока до какой-нибудь волчьей хитрости докумекаешь – мозги набекрень сдвинутся. Потому так и получилось, что за первую зиму Егор с грехом пополам добыл одного волка. Ох и смеялись охотники! Костили Егора на чем свет стоит, обзывали единоличником и куркулем, но Егор сопел в свои две дырочки и целыми днями пропадал в лесу.

Трудно давалось знание волчьих повадок. Взять хотя бы тропы. Это только кажется, что волки бегают по лесу без разбора, а на самом деле у них для всякого случая своя дорога. А какая и для чего – тут Егору пришлось поломать голову. Зато многое прояснилось, и Егор, наткнувшись на волчью тропу, уже не гадал, куда это направились волки, на охоту или на лежку, а мог сказать об этом в точности. А сами следы? Здесь тоже нужен был глаз да глаз, потому что глянешь – вроде прошел один волк, а приглядишься – пробежала стая. Волки, когда их не гонят, бегают не враспынную, а друг за дружкой, след в след, поэтому и кажется, будто прошел один зверь.

Мало-помалу разобрался Егор и с волчьим воем, научился отделять голоса молодых от матерых, распознавать, о чем они воют. И сам стал подражать вою, вабить, как говорят охотники. Но и здесь тоже было много такого, что не лезло ни в одни ворота. Вот, скажем, завыл ты. Воешь, стараешься, даже голову задираешь по-волчьи кверху, а сам думаешь: да неужто волк, дикий зверь, не отличит этот вой от своего, волчьего? Так не отличали ведь! Стоило завывать, и вот уже откликнулся один, другой, третий. И уж тут не хлопай ушами: вой, подманивай зверя под выстрел. Егор и подманивал, дивясь волчьему неразумству.

Правда, не все волки поддавались обману, а уж волчицы, особенно старые, – те совсем редко. Ухитрялись, неизвестно как, отгадывать, что дурачат их, и ни за что не отзывались.

Словом, со временем дело у Егора пошло, и все насмешники прикусили языки. Да и о чем было говорить, если Егор за зиму меньше десятка волков не брал? В заготконторе с ним теперь здоровались за ручку и величали по имени-отчеству, а портрет Егора из года в год так и висел в сельсовете на Доске почета.

Чего бы не жить, спрашивается, но судьба рассудила по-своему, свела, как будто нарочно, с этой стаей на болоте. Гиблое место, всем болотам болото. Деревенские называли его Верховым, оно начиналось километрах в пяти от деревни, а где кончалось – не знал никто. Егор, не раз забредавший туда, был уверен, что, если идти болотом, никуда не сворачивая, упрешься прямым ходом в тундру – настолько обширными представлялись ему эти владения кикимор и леших. Верно, ни тех, ни других Егор там никогда не встречал, а вот одного болотного жителя знал, как говорится, в лицо.

Прошлой весной, в мае, Егор возвращался из леса. За целый день ходьбы портянки сбились, и Егор присел перемотать их. Разувшись, он разгладил портянки на коленке и уже начал было обертывать ногу, как вдруг увидел волка. Держа в зубах зайца, тот не спеша трусил совсем недалеко от Егора. День был безветренным, в неподвижности воздуха запах человека не долетал до волчьих ноздрей, и зверь не чуял Егора. Однако Егор замер: не учуял, так услышит, только шевельнись. Волк, что кошка, чуть какой шорох, он уже тут как тут. А Егору не хотелось спугивать зверя. Во-первых, волк нес зайца, а во-вторых, бежал прямо-хонько на болото. Уж не к деткам ли? Заяц-то для какого хрена?

С того раза Егор стал все чаще кружить возле болота и даже углубляться в него, надеясь обнаружить волчьи тропы или встретить самих волков. Но те как в воду канули, зато тропы отыскивались вскоре. Изучив следы, Егор попробовал определить, велика ли стая. Получи-

лось – четыре волка. И только зимой, когда звериные следы читались на снегу, как буквы на бумаге, выяснилось, что в стае семеро зверей. Это было то, что нужно, и Егор стал готовиться к охоте. Но все сорвалось из-за дурацкого случая: как-то, коля дрова, Егор попал по ноге и всю зиму просидел дома. Нога зажила лишь к апрелю, но в апреле какая охота, время упущено. Оставалось одно утешение – дожидаться, когда оцелятся волчицы. Стая жила на болоте, тут и гадать было нечего, и требовалось отыскать логово и взять волчат – хоть и половинная, а все же выгода. А там, глядишь, и до стаи руки дойдут.

Глава 3

...Егор покурил еще раз и опять бросил окурок в волков. А между тем мороз стал донимать не на шутку. Сначала защипало щеки и нос, а потом холод проник и под полушубок. Как Егор ни подтыкал и ни запахивал полы, ветер находил в них щели, добирался до поясицы и спины. А тут еще и ноги затекли, и Егор вытягивал их и так, и сяк, ворочался и трещал сучьями, а волки, словно чувствуя, что ждать осталось недолго, задирали морды вверх и смотрели на Егора. Он показывал им фигу и матерился.

В лесу посинело, тени укоротились, а никто так и не ехал, и Егор подумал, что волки, видать, догнали кобылу. Конечно, догнали, разве убежит лошадь с дровнями от зверей? Потому и не едут, не знают ни о чем. В выходной у всех полно своих забот, кому какое дело, куда уехал Егор. Даже и конюх навряд ли вспомнит, потому что Егор обещал ему, что сам поставит лошадь в конюшню. Жена – та, конечно, дожидается, так ведь ни о чем таком и не думает. И представить себе не может, что волки его на дерево загнали. Топит себе баню да ждет. Дай бог, к вечеру догадается, что дело неладно, так не просидишь до вечера на сукуто. Не петух, лапки не подожмешь да голову под крыло не спрячешь.

От этой мысли Егора взяла злость, и он, увидев над головой сухой сук, отломал его и швырнул в волков. Но те лишь отбежали подальше. Егор невесело усмехнулся: нашел, чем пугать – палкой. Их бы сейчас картечью хлестануть, особенно эту сучку волчицу. У-у, тварь хитрющая! Все чует. Уж как он караулил ее после той ночи, когда она к дому приходила, и все впустую. Как сквозь землю провалилась. А логово? Лучше всякой лисицы упрятала. Чуть не месяц искал, с ног сбился и, если бы не бинокль, не нашел бы...

Глава 4

Самое время искать логова – май. Волки щенятся в конце марта – начале апреля, и выводки надо брать до июня. Не возьмешь – волчата подрастут и не дадутся в руки. Услышат, что подходишь к норе, убегут и спрячутся. И тут ты хоть разыщишь их.

Такой случай у Егора был, поэтому нынешней весной он не хотел упускать сроки, и, как только справили праздники, Егор наладился на болото.

«Кто рано встает, тому бог дает» – об этом всегда твердил дед-покойник, к этому приучил и внука, и Егор вышел из дому чуть свет. Солнце только-только выкатилось из-за частокола елок и по крутой дуге поднималось на небо, где, как белье на веревках, висели чистые, подсиненные облака. В избах топились печи, мычали во дворах коровы, а собаки от кали-ток провожали Егора незлобивым, с ленцой, брехом. Ночью прошел дождь, сильно пахло водой и распутившимся березовым листом, и Егор подумал, что, раз береза пошла в лист, холодов больше не будет.

Шел Егор налегке – нож в кожаном чехле на поясе, рогожный мешок под мышкой да ломоть хлеба с салом в кармане телогрейки, чтобы было что пожевать, когда захочется. Кепку начиная с весны Егор не носил, надевал только в августе, когда в лесу появлялся клещ, или лосиная вошь, как называли его деревенские, а из всех обувок предпочитал в летнее время одну – бахилы. Самая подходящая для охотника обувь – длинные, выше колен чулки, сшитые из толстого брезента и пропитанные какой-то мазью, которая не пропускала сырость, хоть стой в воде с утра и до ночи. Легкие и прочные – ни одна змея не прокусит – бахилы были незаменимы в лесных скитаниях, и Егор удивлялся, почему их не продают в магазинах. Сам он доставал бахилы у сезонников на торфоразработках – выменивал за тетеревов и глухарей. С портянкой или с шерстяным носком бахилы были лучше всяких сапог.

Легко дышалось Егору в это теплое майское утро. Две недели назад, как раз на Пасху, ему исполнилось двадцать шесть, он был три года женат, души не чаял в маленькой дочке, а охоту не променял бы и на золотые горы. Конечно, лето – пора не охотничья, летом зверь и птица выводят потомство, и бить их в это время запрещено, но для дела, которым занимался Егор, запретных сроков не устанавливалось – волка разрешалось истреблять круглый год. И какими хочешь способами. Хочешь – стреляй, хочешь – лови капканами, а желаешь – мори отравой. Егор так и делал, правда, отравой не пользовался, брезговал, считая, что морить ядом кого-нибудь, пусть даже волка, – не охотничье занятие. Волк – не клоп и не таракан, а животное умная и хитрая, вот и добудь его по правде, ежели ты охотник.

Забота на зиму у Егора была – стая на болоте. Но это – на зиму, до нее еще дожить надо, а вот волчата, которые растут где-то в логове, – неплохой надбавок. Волки помалу не приносят, шесть-семь волчат, как пить дать, бывает и больше, но Егор на много не замахивался. Пусть будет хотя бы пяток, вот тебе и полторы тысячи в кармане. За волчонка платят по три сотенных, а полторы тысячи – это полкоровы.

В голове все складывалось куда как складно, однако Егор знал: отыскать логово – не гриб найти. Конечно, волки далеко в болото не полезут, там им прокорма не хватит, устроятся где-нибудь поближе к лесу да к деревне, но где? С любого края могут окопаться, и будешь неделю ходить вокруг да около, пока не наткнешься. Да еще как сказать, наткнешься ли...

Болото встретило Егора тяжелым запахом испарений, сыростью и той особенной тишиной, какую хранят тайные, дремучие места. Словно некая завеса отделяла болото от остального мира, от его привычных звуков и проявлений жизни; здесь против воли хотелось ступать неслышно, а говорить шепотом, как будто и шаги, и слова были запретны среди этих трясин и зыбей.

Ярко-зеленый весенний мох пружинил под ногами, как губка, процеживал сквозь себя коричневую торфяную воду, которая до краев наполняла глубокие вмятины следов. Множество островков, поросших частой березовой молодью и невысокими кривыми соснами, были разбросаны по болоту вперемежку с окнами открытой воды, огороженными, как частоколом, зарослями рогоза и осоки. Такие окна могли скрываться и подо мхом, когда помотришь – вроде безобидный зеленый лужок, а наступишь – и поминай как звали, и Егор остановился, чтобы подобрать шест – будет чем прошупать подозрительное место. Всяких лесин валялось вокруг множество, и нужно было только обрубить у подходящей сучки.

Топора у Егора не было, он никогда не брал с собой топор, который в лесу вечно за что-нибудь да цеплялся; не хуже топора ему служил нож, изготовленный деревенским кузнецом Гошкой. С ручкой из лосиного рога, с широким и тяжелым лезвием, нож годился для любого дела. Им Егор снимал шкуры, рубил лапник для подстилки и валежник для костра, а на спор перерубал даже гвозди.

Пригодился нож и теперь. Через пять минут шест был готов, и Егор, опираясь на него, как на посох, двинулся в глубь болота. Каждый островок в нем мог быть тем самым местом, где устроились волки, и Егор не пропускал ни одного, тыча шестом во все щели. Ноги то и дело проваливались в колдобины, но хуже всего было в чашобе, сквозь нее приходилось продираться согнувшись, и скоро Егор взмок. Отыскав во мху бочажок, он напился из пригоршни, обмыл лицо. После воды потянуло курить, но Егор, жалея время, пересилил себя и пошел дальше.

Солнце, повисев над головой, медленно покатилося к закату, когда Егор решил: на сегодня хватит, и так забрался черт-те куда, пора выбираться. Найдя место посуше, он растелил мешок и сел. Полез было за махоркой, но вспомнил о сале и достал из кармана сверток. Развернул тряпицу, разломил хлеб, нарезал сало ломтями. На теплой погоде оно потеряло твердость, но от одного только чесночного духа у Егора потекли слюнки. Он ел сало со шкуркой и между делом посматривал по сторонам.

Болото на глазах меняло свой облик. Воздух над ним чуть заметно посинел, и эта синева, смешиваясь с зеленью мха, осок и листвы, как туман, окутывала все вокруг, перемещалась и пульсировала, словно живая, странным образом изменяя формы и очертания. Повсюду мнилось чье-то движение, слышались какие-то вздохи, какое-то клокотанье и шипенье, а время от времени на поверхность темных окон вырывались громадные пузыри и тут же лопались, чтобы освободить место новым. Казалось, что на всем болоте происходит какая-то невиданная варка, что кто-то, загрузив этот огромный котел, удалился до поры до времени и где-то ждет результатов своего опыта. Сгущаясь, испарения стояли над болотом, как чад, и лучи низкого солнца, пронизывая его под косым углом, вспыхивали и переливались крошечными разноцветными искрами.

Пора было выбираться из этих душных и обманчивых хлябей. Свернув напоследок сигарку, Егор с удовольствием покурил. Он не считал, что день прошел зря. Начало сделано, и это главное. Завтра надо поглядеть с другого края, а понадобится – и с третьего. Ни в какое везение на охоте Егор не верил. Везет только дуракам – это точно сказано. А охота терпения требует. Здесь одним махом да наскоком шиш чего добьешься. Но и зря волынить тоже нечего. До конца месяца, кровь из носа, а надо найти логово. Не найдешь – накрылись твои полторы тысячи.

Но и следующие дни ничего не дали. Егор приходил домой затемно и, даже не поев, валился на постель. Жена подбирала за ним разбросанные по всей избе вещи и в который раз принималась уговаривать Егора бросить охоту. Мало ли в колхозе других дел? Мужиков не хватает, везде примут с радостью. И не надо будет с утра и до ночи таскаться по этому проклятому лесу, мерзнуть и мокнуть и рвать без конца одежду. Она и так не успевает чинить. Всех денег все равно не заработаешь, проживут и на трудодни. Живут же другие.

Егор в разговоры не вступал. Они велись неоднократно, и он знал, что жена поворчит-поворчит и отстанет. Слушая ее вполуха, Егор незаметно засыпал, а утром снова снаряжался и уходил на болото. Он уже признался себе, что дело оказалось труднее, чем думалось. Поиски затягивались, время уходило, а он как был ни с чем, так ни с чем и оставался. Громадная протяженность болота путала все карты, и, чем дальше Егор проникал в него, тем яснее сознавал, что так можно проискать и до морковкина заговенья. Он не знал главного – хотя бы примерного направления на логово.

Верно: троп много, а по какой идти? Все так и так не облазить. Тут сам господь бог не разберется.

Бог, может, и разобрался бы, а Егору отступать было некуда, и он в конце концов придумал выход из положения. Правда, здесь ему требовалась помощь, но Егор надеялся, что ему не откажут. С этим он и отправился ближайшим вечером в дом председателя сельсовета.

Там ужинали – ели жареную картошку. Большая сковорода стояла посередине стола, за которым сидело все семейство.

– А-а, Егор! – сказал председатель. – В самый раз поспел, присаживайся к нашему шалашу.

Егор только что отужинал дома, но обижать отказом председателя не стал.

– Ну как, нашел? – поинтересовался председатель, освобождая Егору место рядом с собой. Он был в курсе всех его охотничьих дел и, видно, подумал, что Егор зашел поделиться с ним очередной удачей.

– Нет еще, – ответил Егор.

– Что так? Чай, вторую неделю ходишь.

– Так болото, Степаныч. Прорва.

– Выходит, не найдешь?

– Найду, куда не денутся.

– А не опоздаешь? Они к концу месяца уже шустрыми станут, черта с два дадутся в руки.

– Раньше возьму. Ты мне помоги только, дай бинокль денька на два.

– А на кой он тебе? – удивился председатель.

– Есть одна мысль. Гриву возле Сухого ручья знаешь? Сделаю на сосне засидок – никакой волк мимо не проскочит. А мне бы только узнать, в какую сторону они бегают.

– А что, верно! Мы на фронте так делали. Залезешь, бывало, куда повыше, а оттуда в бинокль все как на ладони. – Председатель прошел за перегородку и через минуту вернулся с биноклем. – На, дарю. – И, видя удивление Егора, рассмеялся: – Бери, бери, у меня он все равно без дела лежит!

Бинокль был немецкий, трофейный, и увеличивал так сильно, что когда Егор однажды смотрел в него, то видел всю деревню насквозь до мельчайших подробностей. Имей он такую технику, не бегал бы по лесу, высунув язык. Но взять бинокль за просто так Егор не мог. Поэтому и предложил:

– Давай баш на баш, Степаныч.

– Это как же? – прищурился председатель.

– А очень просто. Ты мне бинокль, а я тебе – нож.

– Гошкин? И не жалко?

– Подумаешь! Сам вон чего отдаешь, а мне нельзя? Егор знал, что его предложение пришлось председателю по душе. Тот не раз любовался ножом, и Егор был доволен, что все получилось честь по чести.

Глава 5

...С каждой минутой сидеть становилось неважоту. Насквозь промерзшие валенки сделались как деревянные, полушубок стоял колом. От ледяного ветра у Егора ломило лоб, замерзшие пальцы не сгибались, и он, чтобы не упасть, привалился боком к стволу. Стало как будто легче, и Егор устало закрыл глаза...

Глава 6

Утром Егор ушел в лес ни свет ни заря. Всю охотничью амуницию он на этот раз оставил дома, взяв с собой лишь бинокль, гвозди и топор. Нож, хотя он и оставался пока у Егора, для сегодняшнего дела не подходил. Рубить хворост или лапник – это совсем не то, что строить засидок. Здесь без топора не обойдешься.

В целом же план Егора выглядел так.

Грива возле Сухого ручья, о которой он говорил председателю, была песчаной косой, глубоко вдававшейся в болото и заросшей столетними соснами. На одной из этих сосен Егор и намеревался соорудить засидок, а проще говоря, помост, чтобы с него рассматривать в бинокль все, что делается на болоте. Волки не могли целыми днями сидеть возле логова, им надо было кормить волчат, бегать туда-сюда, и Егор надеялся рано или поздно засечь в бинокль какого-нибудь волка, а уж тот наведет его на логово. Но осложнения могли возникнуть и здесь. Попадись на глаза перелярок – он не помог бы делу. Летом перелярки держатся сами по себе, матерые их близко не подпускают к логову, так что засекал требовалось взрослых, волка или волчицу. Только они знали, где логово, и могли показать след.

Егор быстро отыскал то, что ему было нужно, – высокую сосну, росшую на самом краю гривы. Дерево было старое, кора на нем задубела и растрескалась, а нижние сучья давно высохли и отвалились, и, чтобы добраться до крепких лап, пришлось ладить лестницу. Делать настоящую Егор не собирался, проще было прибить к стволу метровые поперечины, и он, свалив две сушины, через час управился с делом. Оставалось забраться повыше и смастерить помост. На это ушел еще час, и когда Егор, наконец, устроился на лапнике как на полатах, то вслух обругал себя: не мог додуматься до простого дела сразу, целую неделю потерял зря.

С высоты засидка болото и в самом деле просматривалось далеко, каждый островок на нем, каждое окно виделись по отдельности, а в бинокль различались и рябь от ветерка на поверхности окон, и колыхание травы и кустов на островах. Чтобы было совсем хорошо, Егор снял телогрейку, свернул ее поплотнее и подложил под локти. Потом достал из чехла бинокль, подрегулировал резкость и повел окулярами из стороны в сторону, прикидывая, откуда лучше всего начать.

Первыми, кого увидел Егор, были две цапли. Будь Егор на земле, он ни за что не заметил бы их – заросли тростника и рогоза скрывали цапель с головой, но с помоста, приближенные сильным увеличением, птицы гляделись, как на картинке. Серые, с темными крыльями, с хохлами на голове, они расхаживали взад-вперед по залитой водой низине, временами замирали на секунду и вдруг делали быстрый выпад длинными шеями. Как ножницы, раскрывались клювы, и цапли, запрокинув голову, заглатывали добычу. Егор даже рассмотрел, какую – лягушек. У бедолаг был в разгаре любовный сезон, ошалев от избытка чувств, они потеряли всякую осторожность, и цапли ловили их без всякого труда. Они глотали лягушек с необычайной легкостью, и Егор не удивлялся этому – он не раз видел, как цапли с такой же легкостью заглатывали на речке язей величиной с ладонь.

Слева на берегу зашевелились кусты, и Егор сильнее прижал к глазам бинокль, готовый вот-вот увидеть среди нежной зелени темно-серое волчье тело. Но вместо этого из кустов вышел лось. Постоял, как лошадь, поводя в разные стороны ушами, и не спеша пошел вдоль краины. Он явно не собирался заходить на болото, и Егор, разглядывая лося, подумал: уж не тот ли это, которого в позапрошлом лето он с мужиками вытаскивал из трясины? Похож, да и на болото косится, как собака на палку, как будто знает, что туда лучше не соваться. Если тот, тогда все понятно. В тот раз его ребяташки увидели. Пошли за камышовыми шишками

и наткнулись. Бегом в деревню. Ну мужики и снарядились. Веревки взяли, топоры. Как раз поспели, лось уже увяз, одна голова торчала. Еле вытащили веревками да вагами...

Время шло. Давно улетели по своим делам цапли, затерялся среди лесных дебрей лось, а никаких признаков того, что где-то, может быть по соседству, затаились волки, не было. Чтобы как-то развеяться, Егор несколько раз покурил в кулак. Он не опасался, что волки учуют махорочный запах на такой верхотуре, но за время лесной жизни курение в кулак стало привычкой. Береженого бог бережет, говорил, бывало, дед, тоже охотник, приучавший Егора ходить в лесу тихо, не балаболить попусту языком и не оставлять после себя разных едких запахов. И Егор помнил дедовы наказания, но сегодня был не тот случай, когда следовало соблюдать всякие хитрые правила. Засидок засидку рознь. Вот если бы караулить на лабазе медведя, ворующего овсы, – дело другое. Тут сиди тихо, не дыши, а уж о куреве и не вспоминай лучше. Выкуришь «гвоздик» – все испортишь. А нынешняя засада – и не засада вовсе. Просто надо подглядеть, куда да откуда бегают волки, и одна-другая сигарка здесь не помеха. Здесь главное – не шуметь. Так ведь он и не шумит, а если и споет какую частушку со скуки, то потихоньку, а не на всю ивановскую.

Волк, как и всегда, появился неожиданно. Крупный, лобастый, с прямым, как бы струящимся по воздуху хвостом, волк легко перепрыгивал выворотни и завалы, все дальше углубляясь в болото. Никакой добычи он не нес, но это ничего не значило. Волк мог проглотить мясо, а потом отрыгнуть его у логова.

Егор сразу узнал волка – это был он, его прошлогодний знакомец. Раньше, когда Егор еще не имел дела с волками, он числил их всех на одно лицо. Да по-другому и не получалось. Волков нельзя было различить, как собак, по масти, все они серые, поди разберись, кого из них ты встречал, а кого не видел ни разу. Но, столкнувшись с волками поближе, Егор убедился, что среди них нет ни одного похожего, все они были разными и для опытного человека запоминались с первого взгляда. Как люди, которые по-разному ходят, по-разному что-то делают, разговаривают и смеются, так и волки по-разному бегали, различались статью и привычками. Охотник, встретивший волка один раз, уже не путал его с другими.

До зверя было метров триста, не больше, и Егор хорошо видел его – матерого, мощного, но еще не кончившего линять и оттого казавшегося тощим. Особенно впалы были волчьи бока, не успевшие обрасти новой шерстью, старая же лезла вовсю, образуя на шкуре целые проплешины.

Егор прикинул направление, которого держался волк, и рассудил, что тот скорее всего метит к видневшемуся вдали сосновому островку, темная зелень которого, как пятно, выделялась среди весенней зелени остального болотного мелколесья. На островке наверняка было повыше и посуше – чем не место для логова?

Между тем волк добежал до островка и скрылся в кустах, Егор с нетерпением ждал, что будет дальше. Если он ошибался и логово было в другом месте, волк мог с минуты на минуту объявиться на противоположном конце островка. Но если логово там, зверь выйдет не скоро. Пока волчат накормит, пока сам отдышится. Небось километров сто отмахал за день. А если на островке не логово, а лежка? Хоть и волк, а не круглые же сутки ему бегать, надо и отдохнуть.

Волк не появлялся. Логово или лежка? Выяснить это сегодня Егор не мог по одной простой причине – он не захватил с собой мешка. Подумал: чего таскать лишний груз, когда сначала нужно узнать, где окопались волки. Не рассчитывал, что в первый же день повезет. А вот поди ж ты, кажись, повезло. Но идти без мешка нельзя. Если логово – волчат за пазуху не положишь. И на ночь не оставишь, потому что за ночь волки перенесут детишек куда подальше. У них для таких случаев запасные квартиры имеются. Так что пусть подождут до утра, как говорят, утро вечера мудренее.

Глава 7

...Привалившись боком к стволу, Егор устало закрыл глаза. И тут же ему показалось, что он запрокидывается и падает, и он закричал, как в страшном сне, и ухватился за ствол. Был ли это миг краткого забытья или он действительно чуть не упал, Егор так и не понял, но смерть в волчьих зубах представилась ему с такой ужасающей реальностью, что он ощутил и боль от клыков, рвущих тело, и смрад, идущий из разинутой волчьей пасти.

И впервые в жизни Егор подумал, что, может быть, такая смерть ему и назначена. Быть у воды и не замочиться? Все время с волками, когда-нибудь да промахнешься. Вот и дождался. Сожрут, как ту дохлятину, какой сам же прикармливал их...

Глава 8

Логово, неглубокая яма, оборудованная по волчьему обыкновению без всякой подстилки и боковых ходов, было вырыто среди корневищ двух сросшихся между собой сосен. Вокруг валялись обглоданные кости и остро пахло волчьей мочой.

Волчата, сбившись в тесную кучку, поглядывали на Егора скорее с любопытством, чем со страхом. Страх еще сидел в самой глубине звериных душ, высвободить его оттуда мог только опыт, а какой опыт у волчат, которые совсем недавно были голыми и слепыми?

И все-таки они почувствовали опасность, и, когда Егор стал вытаскивать их из ямы, огрызались и норовили вцепиться острыми зубками в руку. Егор отвлекал их внимание и, хватая за шиворот, тут же совал в мешок. Волчата ползали по его дну, тыкались носами в углы и потихоньку скулили.

На все ушло не больше десяти минут, и, завязывая мешок, Егор в который уже раз подивился странному свойству волков, которые даже и не думали спасать потомство. Все звери и птицы защищают свои выводки, на что уж клуша – и та глаза выключает за цыплят, а волки – нет. Убегают и смотрят на все издали, и Егор не мог объяснить себе, в чем тут дело.

Но коли речь зашла о странностях, то и сам Егор слыл среди остальных охотников человеком с причудами. А как сказать по-другому, когда все, кто занимались добыванием волчьих выводков, всегда убивали волчат – палкой, прикладом, кто как умел, а Егор не убивал? Он без всяких раздумий стрелял взрослых волков, ловил их капканами, но волчат приносил живыми. Живыми сдавал и в заготконтору, чем поначалу вызвал там полный скандал. На него смотрели как на дурачка, спрашивали: «Ты что, парень, того?», но, когда Егор молча сложил волчат обратно в мешок, заготовители притихли. План есть план, за каждую лишнюю шкуру им шли премиальные, и они рассудили, что какая разница, от кого принимать шкуры – от умного или дурака. Егор со своей стороны поплевывал на то, как о нем думали в заготконторе. Давали бы порох и другие припасы, а больше от них ничего не требуется. И ему давали. И даже больше, чем другим, потому что никто не приносил за сезон столько шкур, сколько Егор.

Неплохой почин был сделан и нынче. До зимы еще ждать да ждать, а пять шкур вот они, в мешке. Те самые полторы тысячи, которые чуть не уплыли из-под носа, не придумай он номер с биноклем. И ведь что интересно, рассуждал Егор. Ведь загадывал, что пусть будет пять волчат, пять и получилось. Как по заказу! А выпадет снег, он и до всей стаи доберется.

Глава 9

...Его все сильнее удивляло, почему так долго никто не едет, но, представив себе ход событий, он понял, что по-другому не может и быть. Если даже лошадь и убежала от волков, в деревне не сразу раскачаются. Сперва пойдут к конюху узнавать, кому и по какому делу тот давал кобылу, а уж потом кинутся к председателю.

Но больше всего надежд у Егора было на жену. И конюх, и все другие могли и не вспомнить о нем, но жена не могла. По времени догадается, что что-то случилось. Баня, чай, давно остыла, а ведь он обещал к бане. Да не в этом даже и дело. Сердце женское обо всем скажет, голубиная Машина душа. Хорошо, что он ничего не сказал ей тогда про волчицу, пусть лучше думает, что запозднил мужик, приедет...

Глава 10

Хотя Егор брал выводок не первый раз, он не считал себя специалистом в этом деле. Так же как и в охоте с флажками. Отказавшись от нее с самого начала, он потом все же попробовал себя два раза на облавах, но так и не прикипел к ним душой. Самое интересное в облавах, к чему Егор имел расположение, было выслеживание стаи. Здесь требовались сметка, знание звериных повадок и терпение, а настоящих помощников у Егора так и не нашлось, и он окончательно поставил на облавах крест.

Капканы – вот это по нему. Здесь он один выступал во всех лицах – сам выслеживал, сам приваживал волков и ставил капканы, сам добывал из них зверей. Никто не мешал ему, не советовал и не кричал под руку, но зато никто и не помогал, когда приходилось брать волка. Все делалось один на один, с риском, и этот риск придавал делу особую остроту, горячил кровь.

Одно было плохо: капканый промысел был занятием сугубо сезонным. На него в году падало в лучшем случае три-четыре месяца, в остальное же время приходилось перебиваться с хлеба на квас. Была, правда, отдушина – выводки, но Егор занимался ими без особой страсти. Не велика заслуга – брать беспомощных волчат. Мальчишка и тот сможет. Проще простого дело: пришел, сложил, как дрова в мешок, и вся недолга. Даже ружья не надо. Зачем, спрашивается, ружье, когда обороняться все равно не от кого – ты только чихнешь, а волки уже и пятки смазывают.

Однако с некоторых пор Егор стал замечать, что вокруг него закрутилась какая-то непонятная кутерьма. Начать с того, что по ночам стал лаять Дымок. Ничего особенного в этом вроде бы и не было, Дымок лаял и раньше, на то он и собака, но тогда это был лай как лай, а теперь в нем слышался постоянный страх, что и удивило Егора. Конечно, Дымок был самой обыкновенной беспородной дворнягой, какие жили в каждом деревенском дворе, но трусости за ним никогда не замечалось. Наоборот, он не пропускал случая, чтобы не ввязаться в собачью драку, с яростью изгонял из огорода забредших туда коров и даже порывался ходить с Егором в лес, но там от него было пользы как от козла молока. Волки чуяли Дымка за версту, и Егор раз и навсегда внушил ему, что его место – при доме. Бегай, карауль, делай свои собачьи дела, а куда не просят, не суйся.

И вот Дымок стал бояться. Что ни ночь, он исходил лаем и просился в дом, и Егор не знал, что подумать, чем объяснить такую перемену в собаке. Раньше у Егора не было привычки просыпаться по ночам, теперь же его будил лай Дымка. Стоило выйти из дома, Дымок подбегал, непривычно жался к ногам. Егор садился на завалинку, успокаивая, гладил собаку и всматривался в темноту. Что могло так пугать Дымка? Не волки же, в самом деле! Волки летом не подходят к деревне. Зимой – да, зимой в лесу мало пропитания, и звери наглеют, а сейчас еды хватает везде. Но тогда что же? Не станет же Дымок пугаться ни с того, ни с сего.

Так ничего и не надумав, Егор возвращался в избу, при этом Дымок норовил прошмыгнуть в дверь и устроиться на мосту, но этого Егор, как истый деревенский житель, допустить не мог. Не хватало еще, чтобы собака жила в доме. И он выдворял Дымка обратно на улицу.

– А что, как он взбесился, Егор? – спрашивала жена, которую эта ночная возня тоже будила.

– Еще чего! – отвечая Егор. – А то я не знаю, когда собака бешеная!

Но жена не успокаивалась и просила Егора утром же посадить Дымка на цепь, а то она боится отпускать дочку гулять, вдруг Дымок ее укусит.

– Посажу, – обещал Егор.

Но утром Дымок вел себя смирно, ласкался и вилял хвостом, как будто и не было никаких ночных страхов. А потом вообще все наладилось, Дымок перестал лаять, а если иногда и вспоминал о том, что он все-таки собака, то лаял, как в старые добрые времена, звонко, с веселой радостью.

«И чего, дурачок, всю неделю с ума сходил?» – недоумевал Егор, еще не подозревая, что суета, в которую он был втянут последние дни, – лишь начало длинной цепи небывалых, можно сказать, событий, что против него уже составилась заговор, в котором будут и противоборствующие силы, и кровь, и жертвы, и что первой жертвой станет именно Дымок.

В воскресенье после обеда Егор истопил баню. Уже можно было ломать веники, потому что троица прошла, а после Троицы лист держится крепко, и Егор сходил в лес и связал два свежих березовых веника. И хотя в сарае у него оставались еще прошлогодние, он давно соскучился по свежим. От них дух шел на всю баню, а главное, они были мягче и не так хлестались, как старые, когда выйдешь из бани и не поймешь, то ли парился, то ли тебя драли как Сидорову козу. Конечно, если париться для виду, как делают некоторые, то все равно, с каким веником идти, хоть с голиком, но Егор понимал толк в бане, парился истово, и ему было небезразлично, чем хлестать себя.

Сопровождать хозяина в пределах дома и деревни было для Дымка делом его собачьей чести, и он не мог допустить, чтобы баня готовилась без него. Пока Егор носил воду и нагревал котел, Дымок с деловым видом вертелся рядом и путался под ногами, но, видя, что хозяйину не до него, решил наведаться к овинам на лугу. Там было полно мышей, а Дымок был не дурак набить себе брюхо на стороне, чем до глубины души возмущал Егора. Ладно был бы бездомным, а то и дом есть, и кормят, а все равно норовит подобрать что плохо лежит. Еще заразу какую подцепит. Но все попытки отучить Дымка от дурной привычки ни к чему не привели, и Егор плюнул на свои старания. Как плюнул и сейчас, обнаружив, что Дымка и след простыл, и догадавшись, куда его понесла нелегкая.

Закрыв дверь, Егор разделся, поплескался из ковшика на раскаленную докрасна каменку и полез на полочку. Первый заход был для него всегда самым блаженным, и он хлестался до изнеможения, подбрасывая время от времени по ковшику, когда замечал, что пар достает не так, как сначала. Окатившись напоследок холодной водой, Егор пошел на улицу отдыхать. Баня стояла на самых задах, здесь никто не мог видеть Егора, и он сел на приступок, подстелив под себя веник.

День был жарким, но после пекла парилки этот жар казался прохладой. От реки дул ветерок, обвеивая разгоряченное тело. Егор подставлял ему лицо и, как кот, жмурился от удовольствия.

Хорошо было вокруг. В синем небе с пискom носились стрижи, над лугом порхали бабочки и летали стрекозы, а на берегах вдоль улицы гомонили грачи. Хотя дом Егора стоял с краю, Егор не променял бы это место ни на какое другое. Чего еще надо? Все рядом, под боком – и распутившийся всю лес, и поля, и речка, от которой начинался луг, переходящий за деревней в пустоши. Когда-то на лугу косили, но постепенно сенокос отодвинулся дальше, луг зарос кустарником, и от прежних времен на нем остались лишь два овина. Они стояли здесь давно, Егор еще сопливым мальчишкой играл в них с друзьями-приятелями и ловил гнездящихся под крышами ласточек. В косовицу в овины по-прежнему складывали сено, но сейчас они пустовали, и только мыши вольготно чувствовали себя в прошлогодней сенной трухе.

Егор сходил в предбанник, свернул сигарку и опять сел на приступок, подумав при этом, что давно пора его обновить, доски стали совсем трухлявыми. Да и нижние венцы надо менять, баня-то сколько уже стоит, того и гляди завалится. Все руки не доходят, хотя бревна еще летом заготовлены и нужно только привезти их из леса. Но до зимы нечего и думать об этом: дорога – колдобина на колдобине. Подмерзнет, тогда и съездим.

Докурив, Егор раздавил пяткой бычок и поднялся с приступка, намереваясь сделать еще один заход в парилку, да так и остался стоять. То, что он увидел, повергло его в совершенное изумление: от овинов к бане мчался сломя голову Дымок, а за ним – Егор не поверил своим глазам – гнался на махах самый настоящий волк! Изумление Егора еще больше усилилось, когда он разглядел его – это был тот самый, которого он уже дважды видел на болоте.

Опешив от неожиданности, Егор продолжал смотреть на все как бы со стороны, словно это не за его собакой гнался неведомо откуда взявшийся здесь волк. А положение на лугу складывалось трагическое. Дымок отнюдь не был гончаком и не мог соперничать в беге с волком, который весь был предназначен для погонь и должен был вот-вот достать собаку. Дымка пока спасало одно: его гнал ужас, вселявший в несчастного пса силы, но их могло не хватить на такую скачку.

До бани оставалось не больше ста метров, и Дымок, наверное, уже уверился в спасении, но тут из кустов наперерез ему выскочил другой волк, поменьше, в котором Егор тотчас распознал волчицу.

Дымок оказался в «клещах». Это была самая настоящая засада, какую сплошь и рядом волки используют на своих охотах, когда один гонит, а другой поджидает жертву где-нибудь в укрытии. Спасения в таких случаях нет, потому что загнанный не успевает даже понять, что произошло.

Не понял этого и Дымок, а волчица рассчитала все точно. Прыгнув, она сбила Дымка с ног, сзади налетел второй волк, и Дымок завизжал, но визг сразу же оборвался и перешел в хрип.

И только тут Егор опомнился и осознал, что происходит нечто небывалое: на его глазах волки режут его собаку, а он стоит пень пнем. В руках был только веник, но это не остановило Егора. Закричав во все горло и, как дубину, подняв веник над головой, он кинулся спасать Дымка. Волки, увидев бегущего к ним человека, бросили собаку и скрылись в кустах, но, когда Егор подбежал к бившемуся на траве Дымку, он увидел, что помогать тут бесполезно: шея пса была расплосована как ножом, живот разорван. Дымок еще хрипел, но то была агония.

Постояв над собакой, Егор пошел обратно к бане и увидел жену. Испуганная и бледная, она смотрела на него как на сумасшедшего.

– Ты что, Егор?!

– Дымка волки зарезали!

– Господи! – сквозь слезы проговорила жена. – А я думала, с тобой что. Как ты закричал, у меня ноги так и подкосились, еле добежала.

– Ну ладно плакать-то, – сказал Егор. – Принеси-ка лучше лопату, надо Дымка зарыть. Жена пошла к дому, но по дороге обернулась:

– Ты грех-то хоть прикрой, бегаешь голый. Увидит кто, растрезвонит по всей деревне.

Отправив жену с дочкой мыться, Егор по привычке лег полежать. Он всегда лежал, а то и спал час-другой после бани, и, хотя сегодня она не удалась, давным-давно заведенный порядок взял свое.

Укрывшись полушубком, Егор лежал, надеясь, что подремлет хоть немного, но привычного спокойствия не было, мысли вертелись вокруг одного – что же за невиданный случай приключился сегодня?

Если бы Егору кто-нибудь рассказал о таком, он счел бы это брехней, охотничьей байкой, но это произошло с ним, а потому требовало объяснения. В том, что волчье нападение было не случайным, а заранее подготовленным, Егор нисколько не сомневался, но не находил причин для этого. Что плохого сделал Дымок волкам? Он и в глаза-то их никогда не видел, а уж тем более ничем не насолил им. Однако – разорвали. А до этого, видать, караулили, к дому подходили – то-то Дымок и лаял. Но опять же спрашивается: для чего карау-

лили? Конечно, волк при случае от собачины не откажется, но охотиться за собакой у всех на виду не будет. А тут охотились, засаду сделали. Но не для добычи, это точно. Если бы для добычи, не стали бы рвать, унесли. А эти кинули – вроде бы расправились за что-то, и дело с концом. Но за какие такие грехи расправляться-то? Ведь ничего не сделал Дымок этим самым волкам, ничего!

Егор встал, принес с моста крынку с молоком, не отрываясь, выпил половину. Катавасия с Дымком получалась интересная. С одной стороны, у волков не было никакого резона охотиться за ним, а с другой – получалось, что они глаз с него не сводили. И выпустили-таки кишки.

И тут у Егора мелькнула догадка: а что, если волки мстили? До сих пор он не верил в такие басни, хотя и слышал об этом от многих охотников. Но мало ли какие небылицы ходят по деревням. Поживешь – чего наслушаешься. Говорили же о Мироновой бабке, что она, дескать, ведьма и это можно проверить, нужно лишь подследить, когда она пойдет за чем-нибудь во двор. Тогда и надо воткнуть над дверным косяком нож, и бабка ни за что не выйдет со двора, потому что у ведьм нет силы против ножа.

Егору было лет тринадцать, когда он решил выяснить, ведьма Мирониха или нет. Но идти на такое дело одному было страшно, и Егор взял в помощники братьев Платоновых. Братья должны были стоять на карауле и в случае чего крикнуть: «Шуба!», что означало опасность, а Егор брал на себя главное – воткнуть нож. Он так и сделал, и потом с замиранием сердца ждал, выйдет старуха со двора или начнет просить, чтобы ее выпустили, – это и должно было показать, что она ведьма.

Затея провалилась с треском. Мирониха вышла со двора как ни в чем не бывало, а заодно прихватила с собой и нож. С тех пор Егор не верил ни во что, что не подтверждалось опытом, и, когда ему рассказывали какую-нибудь загадочную историю, спрашивал, видел ли ее сам рассказчик или говорит с чужих слов. И всегда выяснялось, что никто ничего не видел, но знает об этом от верного человека, который-де врать не будет.

Не верил Егор и в мстительность волков. Слава богу, он охотился на них не первый год, разные случаи бывали, но чтоб волки стращали? Волки могли злить и даже выводить из себя, потому что были умны и хитры и требовали неотступного внимания, но они не могли угрожать – это Егор затвердил как азбуку. Но тогда что же? Почему волки, которых он всегда презирал за трусость, ни с того ни с сего разорвали его собаку? Или разговоры о волчьей мстительности не сказки?

Похоже, что так оно и было, и стоило лишь согласиться с этим, как все непонятное вполне объяснялось, обнаруживались и причины, и следствия. Волкам было за что мстить – за выводок. И кому мстить – Егору. Вина же Дымка заключалась лишь в том, что он жил в доме ненавистного им человека. Но из этого вытекали вещи, по мнению Егора, совсем уж несуразные. Если Дымок расплатился за чужие грехи, то кому-то придется расплачиваться за собственные. А кому? Так дураку ясно – Егору. Ведь волки, надо думать, на полпути не остановятся.

Но тут Егор разозлился. Не остановятся? Еще как остановятся! Попробуют картечи – дорогу в деревню забудут. И за Дымка еще наплачутся.

Жене Егор ничего не сказал о своих подозрениях. Скажешь – потом сам не рад будешь. Начнутся всякие бабьи страхи и надоевшие разговоры о том, что давно надо бросить эту охоту, что самостоятельные мужики ею не занимаются, что Егора никогда не бывает дома, вечно он носится по своим лесам да болотам и когда-нибудь добегаются. И снова будет рассказано о прадеде Тимофее, который ушел однажды в этот самый лес да и доньше все ходит где-то. Всей деревней искали, а толку? Был человек, и нет его, испарился. Нет уж, лучше помалкивать. Кто его знает, как там на самом деле с Дымком. Может, перебежал он все же

волкам дорогу, вот они и посчитались. И нечего раньше времени поднимать панику, а надо заводить другую собаку. Как-то пусто стало без Дымка.

А между тем лето поворачивало на осень. Не успели и оглянуться, как подоспел сенокос, а там и уборка навалилась. Рабочих рук не хватало, и, чтобы управиться до непогод, работали от зари и до зари и, ухोдившись за день, валились спать как мертвые. Один за другим гасли огни в избах, умолкали звуки, и только лай собак возвещал темным окрестностям, что лают они не на пустом месте, а во дворах земного поселения.

За работой забылись события, которые еще недавно казались важными и живо обсуждались на деревенских крыльцах и завалинках. Теперь они пустовали. Лишь бессонные деревенские деды выкуривали на них сигарку-другую и снова забирались на печи, чувствуя себя еще более одинокими среди беспредельной тишины и темноты.

Забылся случай и с Дымком. Волки никак больше не проявляли себя, и Егор окончательно утвердился в мысли, что все слухи о них как были брехней, так брехней и останутся.

Но не дожили и до осени, и Егор сделал неожиданное открытие: волки по-прежнему следили за домом. В нем теперь оставались только Егор с женой, а дочка вот уже месяц жила у бабок. За ней требовался присмотр, а ни Егора, ни жены по целым дням не было дома. Все время в поле. Там и обедали, а вернувшись, ужинали на скорую руку и ложились спать – уставали за день сильно.

В ту ночь Егор, как всегда, спал без просыпу и с трудом очнулся от толчков жены.

– А? – сказал он, думая, что уже утро и надо вставать и собираться на работу. Но в избе было темно, лишь лунная дорожка тянулась наискосок от окон к печке.

– Егор, а Егор, – шепотом сказала жена, – никак в окно кто-то стукнул.

Егор приподнялся на локте и посмотрел на окно. Оно было задернуто двумя половинками занавесок, доходившими до форточки; сверху спускалась занавеска покороче, оставлявшая в окне неширокую щель, в которой виднелось лиловое ночное небо. Ветерок шевелил листву сирени в палисаднике, и кроме этого привычного шороха Егор ничего не слышал.

– Вечно чего-нибудь придумаешь, – сказал он недовольно, готовясь снова лечь, но тут до его слуха донесся непонятный, но явственный звук. Словно дотронулись до стекла, и оно чуть слышно задрезжалось.

Жена испуганно ухватилась за Егора, но он отстранил ее и спрыгнул с кровати. Бесшумно ступая по половикам, подошел на цыпочках к окну. Звук, настороживший его, не повторялся, но Егор обостренным чутьем чувствовал, что за окном кто-то есть. Стараясь не делать резких движений, он осторожно раздвинул занавески и чуть не отпрянул от окна: из-за стекла, освещенный луной, на него в упор смотрел волк. Встав передними лапами на завалинку, зверь всматривался в темную внутренность избы, словно желая удостовериться, пустая она или нет. Лунный свет отражался от стекла, и волчьи глаза горели жутким зеленоватым огнем.

Егор был не из трусливого десятка, да и лесная жизнь приучила его не пугаться неожиданностей и внезапных встреч, но сейчас он почувствовал, как по спине у него побежали мурашки. Чего-чего, но чтобы столкнуться с волком вот так, нос к носу, да еще у себя под окнами – этого Егор предвидеть не мог.

Несколько секунд волк и Егор смотрели друг на друга. Неизвестно, разглядел ли волк человека в темной избе, но раздвинутая занавеска наверняка спугнула его. Он спрыгнул с завалинки и, перескочив через ограду палисадника, исчез в темноте.

Егор не рассмотрел зверя как следует, но все же ему показалось, что это был не тот волк, который гнался тогда за Дымком. Окно низкое, и если бы тот встал на завалинку, достал бы до форточки. А нынешний ростом не вышел, еле дотянулся до середины окна. Волчица?

– Ну что там, Егор? – окликнула из темноты жена.

– Да нет никого, со сна тебе почудилось, – ответил Егор, стараясь говорить спокойно. Он не хотел, чтобы жена узнала правду. Узнает – ни за что не станет жить в доме, уйдет к матери.

– Так ведь стучали, сам же слышал!

– Мало ли что слышал! Ветер, должно.

Егор прошел в чулан, выпил полковника воды и вернулся к жене.

– Спи давай, – сказал он, обнимая ее. – А то так и будем колобродить всю ночь.

Утром, перед работой, осмотрев завалинку и землю под окнами, Егор сразу обнаружил волчьи следы. Они были небольшие, и он подумал, что, наверное, прав: ночью приходила волчица. Теперь все встало на свои места. Волки не успокоились и шастают прямо под окнами. Но что еще задумала эта треклятая волчица? Уж не до него ли добирается? Как будто он Дымок, которого можно подкараулить в кустах. Как же, держи карман шире! А вот тебя, стерва, подкараулить следует. Не хватало, чтобы какие-то волки, которых он переловил и перестрелял невесть сколько, бегали у него под домом!

Итак, война была объявлена, и Егор был готов к ней, но одно обстоятельство его все-таки тревожило. Начнется сезон, и придется целыми днями мотаться по лесу, а черт ее знает, на что способна эта ненормальная волчица. Раз не побоялась сунуться под самые окна, может и почище номер отчудить. Не дай бог, положит глаз на жену или дочку. Их же не заставишь сидеть дома как на привязи. У жены хозяйство, за тем сходи, туда сбегай, а дочке гулять надо. А ну получится как с Дымком? От таких мыслей Егор распалялся, но поделаться ничего не мог. Лето. Не схватишь ружье и не побежишь в лес отыскивать волков. Ночью все кошки серы, а летом что ни волк, то оборотень. То пнем прикинется, то кочкой обернется. Вокруг да около ходит, а никаких тебе следов: и мох, и травка, и кустики – все выпрямится, и не угадаешь, где прошел серый и куда направился.

Только снег мог помочь Егору, но до зимы было далеко, и он, пока суд да дело, попробовал подкараулить волков на засадах, чем сильно удивил жену, которая решила, что Егор окончательно спятил со своей охотой. Она не помнила, чтобы муж охотился по ночам, а тут, что ни ночь – ружье на плечо, и до утра. Может, она в конце концов и заподозрила бы, что дело не чисто, но Егора выручило неожиданное обстоятельство: на неделе в сарай забрался хорек и утащил курицу, и это дало Егору полное право заявить, что, если хорька не выследить, он разорит весь курятник. А поскольку хорь ворует ночью, то ночью его и надо ловить. Все выглядело правдоподобно, и Егор со спокойной совестью поджидал волков то у бани, то на огороде, то возле сарая. Поведение волчицы показывало, что она очень озлоблена, а в озлоблении любой, хоть зверь, хоть человек, теряет голову и решается на крайности.

Но волчица больше не приходила. То ли чуяла затаившегося человека, то ли и думать обо всем забыла, но только и Егору надоели ночные вылазки. Черт с ней, с дурой, сказал он. Не пришла, и не надо. Ей же лучше: повстречаемся на узкой дорожке – ног не унесет.

Глава 11

...Воспоминание о жене словно бы согрело Егора. И вообще он заметил, что уже не так холодно, как раньше. Это его обрадовало, он подумал, что мороз, должно быть, послабел, и теперь ждать будет легче. Плохо было другое: Егора неудержимо тянуло в сон, и он боялся не совладать с собой и свалиться во сне с дерева. Так хотелось спать лишь после целого дня хождения по лесу, когда усталость наваливалась, как ночью постен. Но с чего было уставать сегодня? Пешком не шел, ехал, а здесь только штабель и откопал. Даже погрузиться не успел – эти вот падлы не дали. Лежат, ждут. Не нажрались за всю осень. Чай, целую телегу схарчили всякой дохлятины, а все, как клячи, тощие. Тьфу!

Егору только показалось, что он плюнул, на самом же деле замерзшие губы не сложились, как надо, и плевок повис на подбородке, с которого и так уже свисали сосульки. В сосульках были и усы, и брови, но Егор не замечал этого. Его почему-то очень возмутил вид тощих волков, словно это было сейчас самым главным. Утробы ненасытные! Всю осень таскал вонючкам приваду, жрали, сколько хотели, а все не впрок. Тьфу!..

Глава 12

Привады осенью потребовалось и вправду много.

Кончался сентябрь, а с ним кончались и полевые работы, и можно было отдохнуть и отоспаться, но у Егора и теперь каждый день был на счету. До снега оставалось месяц-полтора, и нужно было успеть привадить волков к тем местам, где зимой Егор собирался ставить капканы. Приваживание – все равно что пахота: не вспахал – не посеешь и не пожнешь, не привадил волков с осени – зимой останешься с пустыми руками. Вот и приходилось чуть не каждый день разбрасывать на волчьих тропах приваду – дохлых овец или телят, а то и зайцев, если ничего другого не было.

Мяса требовалась уйма, и Егор добывал его, где только мог, где случался падеж скотины – и у своих деревенских, и в других деревнях, и в районном ветпункте, куда привозили всякую животину для вскрытия.

Но самым доходным местом был мыловаренный завод. Там в длинных сараях стояли большие чаны, под которыми всегда горел огонь. Мыло варили из дохлых лошадей, и весь пустырь, на котором размещался завод, был завален лошадиными костями и черепами. На них чучами сидели молчаливые вороны.

До завода было семь километров, не ближний свет, зато мяса там всегда хватало. Мыловары, в основном мужики в возрасте, похожие в своих фартуках на мясников, встречали Егора радушно и, не скупясь, оделяли кониной. Они уважали Егора за то, что он занимается таким опасным, по их мнению, делом, и расспрашивали его про все, что касается волков, не забывая при этом подбрасывать под чаны дрова и пробовать на готовность мыло – густую черную жидкость, которая вполне сгодилась бы в аду в качестве смолы для грешников. Пробу снимали просто: один из мыловаров окунал палец в чан и пробовал варево на язык, после чего и объявлял, готово оно или нет. Егор не был особо брезгливым – свежевать убитых волков тоже кое-что значило, но даже его передергивало, когда он наблюдал за процедурой. Здесь требовалась особая закалка.

И все же иногда падали не хватало – стая в семь волков могла съесть за один присест и центнер, и тогда Егор стрелял зайцев и ворон. На безрыбье и рак рыба, а волкам все равно, что жрать, было бы побольше.

Работа была тяжелая и грязная, но зато Егор, осматривая время от времени приваду, радовался, видя, что волки вошли во вкус и угощаются регулярно. Это сулило удачу зимой: как бы звери ни осторожничали, голод погонит их к знакомым местам, где они привыкли находить пищу, а тут как раз и капканы. Правда, здесь многое зависело от жоака. Стреляный, тертый волк не подпустит стаю к приваде, пока не убедится, что она безопасна. А в стае, которую держал на примете Егор, хозяйкой была, конечно, волчица. То, что она сейчас ела приваду вместе с другими, еще не уравнивало ее с ними. Сейчас у привады не было капканов, и волки знали об этом. Зимой все изменится. Зимой волк, прежде чем подойти к мясу, семь раз отмерит. И если поставишь капкан кое-как, на скорую руку, он его не только найдет, но и помочится на него – на, дурак, получай, коли не умеешь ставить.

Именно к такой ядовитой породе принадлежала и волчица, и Егор понимал, что зимой у него легкой жизни не будет.

В тот год ожидание зимы извело Егора. Волчьи выходки не на шутку разозлили его, и ему не терпелось поскорее взяться за дело.

Но погода выделявала кренделя. Снег выпал после Покрова, и Егор было засуетился – ранняя зима была не в диковинку, но старики по каким-то своим приметам определили, что снег долго не пролежит. И верно – ударила вдруг оттепель, и все развезло.

Октябрь и ноябрь – эти месяцы Егор не любил. В октябре дожди и грязь, в ноябре и того хуже – ветер до костей и тоска зеленая. Нигде ни листика, деревья черные, будто сгнили на корню или обуглились. Лишь на дубах листья еще держатся, гремят, как жестяные.

И все же зиме уже не было удержу, снег должен был вот-вот лечь намертво, и, чтобы не прозевать срок, Егору оставалось сделать последнее дело – подготовить капканы. Их у него было десятка полтора, и все требовалось очистить от летней смазки и выпарить так, чтобы ни один волк потом не учуял в них ни запаха железа, ни тем паче человеческого духа. Всякий охотник готовит капканы к сезону по-своему, у каждого есть для этого свои хитрости и секреты; был свой способ и у Егора. Придумал он его не сам – кое-что показал еще дед, кое-чему научили другие охотники.

Перво-наперво Егор сделал щёлок – развел в воде золу и прокипятил в нем капканы, чем избавился от всякой смазки, какая только на них была. А чтобы истребить всякий запах, Егор загрузил капканами, как капустными кочанами, кадку, нарубил туда веников и сосновых веток и залил все кипятком. Продержав кадку закрытой целую ночь, он сложил затем капканы в холщовый мешок и спрятал их под крыльцо.

Там они и должны были лежать до снега, и никто не смел дотрагиваться до них, иначе всю работу пришлось бы делать заново.

Снег наконец-то выпал, морозы и ветер подсушили его, и Егор поставил капканы. В двух местах – с краю болота и на старой вырубке. Привада лежала и там и там, но где повезет – это уж как судьбе взглянется. Оба места были подходящи – вроде и лес, но не чащоба, не глухомань. В глухом лесу волки не очень-то идут на приваду, там, как говорится, из-за деревьев леса не видно, а зверям надо осмотреться. Пока не осмотрятся – не подойдут. Иной раз и три, и четыре дня принохиваются, прежде чем решатся.

Егор проверял капканы каждый день, но всякий раз они были пустыми, и первый волк поймался лишь через неделю. Он угодил в капкан задней лапой, а когда волки попадают так, они уходят далеко, хотя к капкану привязана для тяжести чурка. Далеко ушел и этот, но Егор разыскал его по следу, застрелил, снял шкуру, а тушу приволок на старое место – чем не привада? Волки едят все без разбора, им что конина, что свой брат волк – только давай. Еще и подерутся при дележке, и, глядишь, в суматохе какой другой попадется.

Но с другим получилась оказия. Придя на место, Егор нашел в капкане лишь отъеденную лапу, а на снегу – кровь и клочья шерсти. Картина была понятной: попавшего в капкан разорвали. Такое среди волков в обыкновении, особенно когда они приходят к приваде всей стаей. Тут без грызни не обходится, каждый старается отхватить кусок побольше, и в этой голодной жадности волки беспощадны. Но попавшего в капкан разрывают не только с голодухи. Мстят за то, что попался, чтобы другим была наука, чтобы жили и помнили: прибился к стае – гляди в оба, на рожон не лезь. А полез – получай по заслугам.

Но эти правила – волчьи, и Егору они никак не подходили. Не для того он уродовался всю осень с привадой, чтобы из-за волчьей прихоти лишиться своей законной доли. А вот лишился, пятьсот рубликов улетели в трубу. Фу – и нету. Хорошо, если дальше пойдет без осечек, а пока что сплошное расстройство: дома на правиле сушится всего одна шкура, от другой остались рожки да ножки, а остальные пять по лесу бегают.

Эти «остальные» были у Егора как кость в горле. Канитель с ними могла растянуться на всю зиму, а тут, как назло, домашние дела подпирали. И то нужно сделать, и пятое, и десятое, но больше всего забот было с баней. Она могла завалиться в любой день, а бревна для нее так и лежали в лесу, и привезти их оттуда было волокитным делом. Пока лошадь выпросишь, пока съездишь. За одну поездку все не привезешь, а на два дня лошадь никто не даст, значит, жди до следующего раза. А это – и думать нечего – неделя. Хуже нет откладывать налаженное дело, но и от хозяйства никуда не денешься, и Егор решил в первое же

воскресенье съездить за бревнами. Ничего за неделю не случится, свет клином не сойдётся, волки не разбегутся, а тянуть с бревнами дольше нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.